

ДОМАШНЕВ А. И.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКА

Говоря об исследовании синхронного состояния и процессов развития языка, лингвисты уже давно подчеркивали необходимость рассматривать, наряду с факторами пространства и времени, вопросы социальной дифференциации языка как некое «третье измерение», обязательное для всякого языкового исследования. В германистике, например, это требование наиболее настойчиво формулировалось в недрах лейпцигской школы Т. Фрингса. «Социально-лингвистическое расслоение языка, — писал П. Поленц, — необходимо всегда учитывать и для более ранних периодов при объяснении историко-лингвистических состояний и процессов; это — третье измерение (dritte Dimension) всякой географической карты» ([1], ср. [2]). Подобной же концепции придерживается и Г. В. Степанов, когда говорит об изучении вариативности как одного из фундаментальных свойств языка. Он пишет: «В регулировании процесса создания вариантов, в закреплении или упразднении вариантных форм, в использовании или неиспользовании их в коммуникативных целях главную и решающую роль играет фактор социальный» [3]. Понятие социального измерения (социального пространства) охватывает как различные социальные группы общества и его социально-классовую структуру, так и совокупный социум — носителя данного языка (национально-государственную общность, нацию).

В этой связи важно отметить, что современное языкознание учитывает лингвистические ситуации, когда две и более наций одновременно используют в качестве национального государственного или официального литературный язык, который в отношении основного инвентаря элементов является единым. К таким языкам следует отнести, в частности, английский в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, французский во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде, испанский в Испании и целом ряде латиноамериканских стран, немецкий в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, а также португальский в Португалии и Бразилии, нидерландский в Нидерландах и Бельгии, итальянский в Италии и Швейцарии, шведский в Швеции и Финляндии. Единство таких полинациональных или национально негомогенных языков не предопределяет обязательного тождества их национальных «ипостасей», а, напротив, основано на признании того, что «...язык может не быть идентичным самому себе на всей территории своего распространения» [4, с. 393]. Состояние неидентичности языка — это и факт многократных наблюдений, и общий постулат, т. к. «было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, может иметь ту же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями» [5].

Для обозначения подобного состояния литературного языка на национальном уровне в советском языкознании используется понятие национального варианта языка. Самый термин «национальный вариант» появился в нашей лингвистической литературе в начале 60-х годов, но уже в 50-х годах, обратившись к исследованию испанского языка стран Латинской Америки, Г. В. Степанов говорил об особенностях испанского языка на «национальном уровне», о «национальных особенностях» испанской речи в Латинской Америке, отдельные национальные формы которой он называл в то время «разновидностями» [6], т. е., согласно толковым словарям, видоизменениями, частными видами какого-либо типа или явления, вариантами. Говоря о закономерностях таких образований, Г. В. Степанов подчеркивал, что «диссоциирующие тенденции» в этих разновидностях языка не могли получить свободного развития и распада языковой общности не произошло, хотя совершенно закономерно выявились факты расхождений как между испано-американскими формами языка и испано-европейским языком, с одной стороны, так и между отдельными испано-американскими разновидностями, с другой. В целом национальные языки испаноязычных латиноамериканских стран Г. В. Степанов предлагал в то время «квалифицировать как разновидности испанского языка с совпадающими тенденциями развития до сих пор единой в своей основе языковой структуры» [7]. И хотя в этих оценках еще не используется определение «национальный вариант», но именно это имеется в виду, поскольку говорится об особенностях «на национальном уровне», о «национальных особенностях». Следует отметить, что в это же время, и даже ранее Г. В. Степанова, к изучению процессов, происходящих в языке на национальном уровне, обращались и другие специалисты. Так, Э. Г. Ризель еще в 1953 г., занимаясь вопросами национального языка в Австрии, по существу первая употребила термин «вариант», подчеркнув наличие особых «национальных черт», «австрийских особенностей в рамках немецкого языка». Э. Г. Ризель рассматривала «существование разных форм в словарном составе» языка австрийцев и немцев в качестве своеобразных дублетов, находящихся «на разных ступенях внедрения в общий словарь литературного немецкого языка» [8]. Конечно, для своего времени это суждение следует рассматривать в качестве шага вперед, т. к. ранее любые своеобразия в немецкой литературной речи нередко рассматривались в качестве «нарушений» нормы языка. Так, Г. Леви, анализируя характер австрийской литературной речи и сравнивая ее с немецкой, считал, что «в отношении языка в Австрии многое неблагополучно». Свою собственную задачу он видел в том, чтобы способствовать «повышению духовного уровня» австрийцев путем «чистки» и «облагораживания» их языка, т. е. унификации его с немецкой литературной нормой [9]. Подобные оценки особенностей языка австрийцев следует признать, конечно, крайностью, тем не менее, в соответствии со взглядами других ученых, рассмотрение различительных черт немецкого языка в Австрии оказалось замкнутым в рамках вопроса «литературный немецкий язык и территориальные дублеты». Так, П. Кречмер, который, в отличие от Г. Леви, не считал австрийские элементы неполноценным явлением речи, определял их в качестве «географических соответствий» [10]. Однако и это определение является недостаточным, т. к. географические соответствия практически всегда выделяются в языке и нередко рассматриваются в качестве местных, территориальных особенностей разговорной формы литературного языка (*hochdeutsche Umgangssprache*). Следовательно, ставить в один ряд с ними австрийские особенности, выявляемые в литературном языке, означает,

в сущности, не признавать их как регулярные элементы литературного языка в Австрии на уровне нормы. Возвращаясь к взглядам Э. Г. Ризель, отметим, что они, по существу, не отличаются от позиции П. Кречмера, коль скоро у нее речь идет о «дублетах», находящихся «на разных ступенях внедрения в общий словарь», т. е. практически не обладающих еще статусом нормы. Более того, концепция Э. Г. Ризель теоретически ориентирована на перспективу нивелирования национальных особенностей языка путем вхождения их, в конечном счете, в «общий словарь» литературного немецкого языка. В связи с этим заметим, что подобные предсказания судьбы национальных вариантов не подтверждаются, хотя современные условия межнационального общения на основе одного языка и возможности координации языкового строительства создают для этого все необходимые предпосылки. Справедливости ради отметим, что позднее Э. Г. Ризель к этим взглядам более не возвращалась, как, впрочем, и не занималась теоретической разработкой этих вопросов.

В эти годы в нашем языкознании проявился интерес к вопросам различительных черт английского языка за пределами Англии. Правда, еще в 30-х годах В. Д. Аракин опубликовал статью, в которой рассмотрел в общих чертах вопрос об английском языке в Америке [11], а в послевоенное время этой теме посвятил свою работу Б. В. Братусь, который, справедливо критикуя псевдонаучные воззрения Менкена на английский язык США как на отдельный «американский язык», сам приходит к необоснованному заключению о существовании так называемого «американо-английского диалекта» [12]. Однако только в 50-е годы в результате взвешенного отношения к проблеме и пристального изучения американского варианта английского языка и его расхождений с британским вариантом лингвисты пришли к выводу о существовании особого литературного образца (нормы) английского языка в США. Не случайно А. И. Смирницкий в 1955 г. впервые употребил термин «варианты» применительно к английскому языку в Англии и английскому языку в США, рассматривая их как разновидности одного и того же языка, отличительные черты которых находят свое отражение в принятых в этих странах языковых нормах. Правда, еще в 1953 г. появилась статья Н. М. Булавина [13], в которой также используется термин «вариант» в отношении английского языка США. Дело, естественно, не в том, что это словоупотребление относится к одному и тому же времени, когда Э. Г. Ризель писала о вариантах немецкого языка, и что это было сделано ранее, чем у А. И. Смирницкого. Важнее подчеркнуть, что А. И. Смирницкий высказал при этом (пусть не в специальном исследовании, а попутно, при изучении строя древнеанглийского языка) суждения, на основе которых позднее, в 60-е годы, формировалась общая теория национальных вариантов языка: «Самый образец английского языка в США является иным, чем в Великобритании... Таким образом, литературный английский образец в Соединенных Штатах и литературный английский образец в Великобритании... противостоят друг другу как два основных варианта английского языка: а м е р и к а н с к и й а н г л и й с к и й и б р и т а н с к и й а н г л и й с к и й — варианты одного и того же языка» [14]. В самом начале 60-х годов вышла в свет книга Т. М. Беляевой и И. А. Потаповой, в которой рассматриваются вопросы распространения английского языка в качестве национального литературного или официального (административного) языка в современном мире. Книга весьма информативна, но при избранной ориентации понятие национального варианта языка не становится более определенным. Говоря об особенностях английского языка в США или Канаде, Т. М. Беляева и

И. А. Потапова называют эти разновидности вариантами, но избегают какого-либо терминологического комментирования различительных черт английского языка в Австралии и Новой Зеландии. С другой стороны, в Индии, где английский язык не имеет этнической языковой опоры, они интерпретируют положение английского языка как англо-индийский вариант [15, с. 62]. Безусловно, права В. Н. Ярцева, когда она решительно возражает против подобного унифицированного толкования статуса английского языка: «Прежде всего следует сказать, что надо строго отличать английский язык как первый, родной язык населения от употребления английского языка (даже как второго государственного языка) теми языковыми группами, для которых он не является родным. Поэтому нельзя приравнивать английский язык Индии... к английскому языку Австралии или США» [16, с. 250—251]. С другой стороны, самый термин «вариант» языка авторы вообще не считают «удачным» и используют его «за непремением какого-либо другого» [15, с. 4]. Добавим, что недифференцированная интерпретация упомянутых отношений на основе понятия варианта не способствует правильному пониманию природы и характера различных языковых образований и оказывается неконструктивной.

Началом специального теоретического изучения полинациональных литературных языков в их национальном пространстве с учетом уже сделанного в советском языкознании в 50-е годы следует признать прежде всего монографические исследования Г. В. Степанова [17] и А. Д. Швейцера [18], за которыми последовала книга автора этой статьи [19]. Таким образом, в поле зрения исследователей оказались наиболее распространенные полинациональные языки — испанский, английский, немецкий. В начале 70-х годов вышла в свет книга Е. А. Реферовской «Французский язык в Канаде» [20], послужившая примером при изучении других национальных разновидностей французского языка (Бельгии, Швейцарии).

Согласно наиболее общему представлению, сформулированному в различных работах этого периода, национальные разновидности (варианты) представляют собой особые формы функционирования единого языка [21, с. 20], формы адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций — носителей данного языка [22]. Так, говоря об испанском языке Америки, Г. В. Степанов подчеркивал: «У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история, в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, свое эстетическое понимание норм общенародной речи» [17, с. 8]. Таким образом, обобщая эти высказывания, следует сказать, что вследствие раздельного (в территориальном, историческом и социальном аспектах) применения единого языка в нем развиваются свои характерные черты, в соответствии с которыми язык данной общности дифференцируется от данного языка другой национальной общности.

Однако при определении понятия национального варианта недостаточно констатировать специфические особенности каждой языковой разновидности. Подобно тому, как и при определении сущности литературного языка вообще мы отмечаем его нормированный (кодифицированный) характер, национальные варианты тоже проверяются на наличие собственной кодифицированной нормы. В связи с этим Г. В. Степанов писал: «Испаноамериканская разновидность испанского языка, в силу целого ряда обстоятельств культурного, исторического, политического, геоэтнографического порядка, сама превратилась в особую норму (исторически — в норму второго порядка), которая находит свое отражение в устной

речи образованных латиноамериканцев и в литературе латиноамериканских стран» [17, с. 8]. При этом он одновременно подчеркивал, что эти нормы имеют автономный характер и собственный авторитет: «Национальная (общенародная) языковая норма собственно Испании не является в настоящее время единственной нормой для всех стран, говорящих на испанском языке» [17, с. 8]. Безусловно, еще предстоит отдельно изучить вопрос о том, как практически обстоит дело с кодификацией нормы, например, шведского языка в Финляндии или итальянского в Швейцарии и какие условия здесь для этого имеются, притом что данные этнические группы составляют лишь часть соответствующих наций этих государств и занимают, как, например, в Швейцарии, только определенную часть национальной территории. В целом же в самостоятельных национальных государствах вопросы культуры речи решаются на основе собственной кодификации нормы языка.

Национальная нормализация литературного языка представляет собой один из важнейших актов культурно-языкового строительства данной нации. Процессы такой нормализации происходят в русле общих норм и не преследуют целей языкового обособления. Однако национальная норма (национальная разновидность нормы), отражающая сущность варианта языка, является суверенной и самостоятельной, она осознается и поддерживается в пределах каждой национальной общности, т. е. она «считается одинаково образцовой, общественно утвержденной, помещающейся на той же плоскости, что и другая разновидность нормы данного языка» [23]. «Прошло то время, — подчеркивает в связи с этим В. Н. Ярцева, — когда американский вариант английского языка считался „испорченным английским“» [16, с. 250].

Признание паритета отдельных вариантов единого национально негомогенного литературного языка делает совершенно закономерным требование национальной культуры речи, отвечающей общей задаче как языкового, так и национального строительства в странах распространения данного языка. Между тем реализация этого принципа может наталкиваться на определенные трудности, возникающие нередко по причинам не столько лингвистического, сколько экстралингвистического, как правило, культурно-политического свойства. Это было, в частности, характерно для Австрии, где длительное время в прошлом в самой стране и за ее пределами ставился под сомнение самый факт существования австрийской нации и австрийского государства, чем определялось и отрицательное отношение к национальным чертам и особенностям немецкого языка Австрии [24]. Специфика австрийской культуры речи еще в недавнем прошлом определялась неоднозначно, поскольку наряду с трезвым мнением о необходимости сохранять и поддерживать реально существующие австрийские языковые особенности отмечались крайние взгляды «справа» и «слева». Первые — «пангерманисты в области языка» («Sprachgroßdeutsche») — настаивали на соблюдении «чистой» немецкой нормы, полностью соответствующей собственно немецкому языковому стандарту. Другие же, исходя из требования австрийской национальной идентификации и в области языка, высказывали мнение о возведении в ранг литературного языка австрийской обиходно-разговорной речи (Umgangssprache), основным экспонентом которой является венский городской полудиалект (das Wienerische). С ростом австрийского национального самосознания укреплялось понимание необходимости объективного и научного подхода к данной проблеме, в первую очередь со стороны австрийских лингвистов, писателей, деятелей культуры и просвещения, которые, исходя из своей высо-

кой ответственности перед нацией, взяли на себя обязанность оказывать влияние на дальнейшее развитие языка в рамках национальной культуры речи. Это требовало организации систематической и планомерной работы, началом которой могло служить составление различных типов словарей, включая также и словарь обиходно-разговорной речи, поскольку ее языковой материал является питательной средой для литературного языка и во всяком случае влияет на характер устной литературной речи. Опыт разработки и переизданий нормативного словаря немецкого языка Австрии [25], впервые опубликованного в 1951 г. и регулярно переиздаваемого с тех пор (в 1979 г. вышло его 35-е издание), показывает, что реализация поставленных задач происходит непросто, вызывает новые осложнения и дискуссии [26].

В процессе формирования национального варианта литературного языка определенную роль играли диалекты и другие местные формы существования языка (городские диалекты, обиходно-разговорные формы языка). Однако значение этого источника не следует преувеличивать или обобщать. Важнее подчеркнуть, что большая часть выявляемых между национальными вариантами расхождений возникает в результате неадекватного выбора факультативных вариантов на уровне нормы из некоего набора «...инвариантных конститутивных признаков, присущих данному языку на любой территории его распространения» [27]. Факультативные варианты на уровне нормы, будучи реализованными и принятыми в том или ином национальном коллективе, превращаются в «аксиологическую норму» [28] для данного узуса. Такой выбор часто сопряжен с поляризацией дублетных форм между данными вариантами языка. Межвариантные расхождения возникают также и на системном уровне на основе языковых элементов, являющихся либо результатом развития собственных материальных и творческих возможностей языка, либо результатом влияния других языков на основе собственных контактов [29]. Таким образом, в целом национальный вариант литературного языка — это вариант нормы и самой системы языка.

Понятие варианта литературного языка не создает условий для сравнения его с диалектом, даже если допустить, что при этом имеется в виду метафорическое описание отношений национальных разновидностей одного литературного языка, т. к. все они равноправны и равноположены и между ними нет отношений взаимодополнения на речевой оси, которые устанавливаются между литературным языком и диалектом. Национальный вариант имеет свои диалекты и соотносится с распространенными в национальных пределах диалектами точно так же, как литературный язык соотносится с диалектами в рамках национального гомогенного языка. Так, в пределах распространения австрийского варианта немецкого языка мы имеем дело преимущественно с так называемыми баварско-австрийскими диалектами, тогда как в зоне немецко-швейцарской общности Швейцарии литературный язык соотносится только с алеманнскими диалектами.

Национальные варианты литературного языка необходимо отличать и от так называемых территориальных вариантов или, точнее, определенных совокупностей местных особенностей, которые могут развиваться во всяком литературном языке с достаточно обширной территорией распространения или на основе заметно различающихся между собой диалектов (как, например, в немецком языке обоих германских государств — ГДР и ФРГ). Хотя как национальному варианту, так и территориальным разновидностям литературного языка свойственно культивирование мест-

ных (диалектных, ареальных) языковых особенностей, в национальных вариантах эта местная специфика дифференцирующих факторов является лишь одним из источников развития, в то время как питательной средой для территориального варианта служит именно местный (диалектный, ареальный) языковой материал. Совокупность этих местных черт, как правило, не обладает статусом составной части кодифицированной нормы, но может входить на правах варианта в общую норму литературного языка (В. Гавранек, В. Матезиус, А. Едличка) либо, не будучи охваченной общей нормой, используется в литературном узусе данной территории в качестве субстандарта. К этому следует добавить, что в национальных вариантах, как и в национально-гомогенном литературном языке, могут развиваться собственные территориальные особенности (ср., например, местные особенности немецкой литературной речи в различных регионах Австрии).

В этой связи необходимо отметить, что, как и в национально-гомогенных языках, в структуре вариантов между полярными разновидностями форм существования языка — литературным языком и диалектами — выделяются промежуточные образования в виде различных форм обиходно-разговорной речи. При этом реальный состав форм иерархической структуры языка в каждом отдельном варианте оказывается неодинаковым. Так, в австрийском варианте сфера обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*) включает такие формы, как полудиалект (*Stadtmundart*), территориальные обиходно-разговорные языки (*Verkehrsmundarten*), австрийский обиходно-разговорный язык (*österreichische Umgangssprache*). Таким образом, всего, вместе с местными диалектами (*Bauernmundarten*), литературным языком (*Hochsprache*), структура национального языка австрийцев включает пять языковых формаций [30]. С другой стороны, в немецкоязычной Швейцарии в структуре речи выделяются лишь местные (кантональные) диалекты и литературный язык, а в функции обиходно-разговорного языка используются местные (алеманнские) диалекты (*Schwyzertütsch*), которые в силу своей однородности взаимопонятны в национальных пределах [34, 32]. Таким образом, в целом национальный вариант воспроизводит социально-функциональную модель (совокупность форм существования языка) любого национального языка, отдельные формы которого в функциональном отношении находятся в условиях взаимодополнения при ведущем положении литературного языка, которому принадлежат главные общественные функции. Обобщая сказанное, можно заключить, что понятие варианта распространяется и на совокупную структуру национальной речи. Именно в этой связи Г. В. Степанов подчеркивал: «Испанский язык Америки есть разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общепароходных форм и местных диалектов и говоров» [47, с. 9]. Следовательно, говоря о национальном измерении литературного языка, мы используем определение национального варианта литературного языка; если же иметь в виду совокупность форм, в которых существует язык данной нации (литературный язык, обиходно-разговорные формы языка, диалекты), можно говорить о варианте языка (национальном варианте языка).

Придерживаясь такого представления о характере строения национальных вариантов языка, можно заключить, что их совокупность в рамках единого языка образует своеобразную корреляционную архисистему. В лингвистическом плане это соответствует ситуации, при которой один общий (единый) язык существует как абстракция и практически реализуется в виде отдельных вариантов. Необходимо подчеркнуть, что как объекты

лингвистического исследования они должны сопоставляться на равных правах друг с другом. Отмечая это, в частности, в отношении вариантов испанского языка, Г. В. Степанов подчеркивал, что пиренейская национальная речь, «являясь исторической „точкой отсчета“, не воплощает в себе в нынешнем своем состоянии безусловного идеала общего испанского языка» [33]. Настаивая на автономности и практической самостоятельности языка в его национальном измерении, Г. В. Степанов писал: «Если не существует отдельного аргентинского языка, то реальностью является испанский язык аргентинской нации» [34].

Обобщая характеристику сущностных свойств и признаков национальных вариантов языка, необходимо отметить и те принципиальные различия, которые разделяют их. Речь идет о своеобразии языка, в том числе и литературного, обслуживающего членов языковой общности (этнические группы), компактно живущих в инациональных (иноязычных) государствах. Эти так называемые островные языки не обладают идентичными с национальным вариантом общественными функциями и используются принципиально в иных условиях (применение в повседневной жизни родного диалекта, влияние инационального государственного или официального языка, ситуация субординативного билингвизма). Развивающееся под влиянием этих факторов своеобразие использования нормы литературного языка не отличается стабильностью. В условиях отсутствия собственной кодификации нормы наблюдается ориентирование на основную («метропольную») кодифицированную норму данного литературного языка [35].

Особый случай состояния вариативности литературного языка образует применение его в качестве официального или государственного языка (максимальная общественная функция) в инациональном государстве (ситуация неродного государственного языка). Примером могут служить английский, французский или португальский языки в развивающихся странах Азии и Африки, освободившихся от колониального господства. Применение в повседневном общении родного (национального) языка, а также неглубокий социальный охват населения, владеющего этим инациональным официальным языком, создают характерную диспропорцию между престижным положением такого языка и ограниченностью сфер его использования. Безусловно, самостоятельное, не зависящее от бывших метрополий использование инационального языка, самое его существование и функционирование в местных условиях приводит к развитию в нем характерных различительных и даже устойчивых черт, совокупность которых может осознаваться и поддерживаться кругом говорящих на нем людей. Это лишь внешне сближает создаваемую таким образом разнородность литературного языка с национальным вариантом, хотя необходимо подчеркнуть, что ее узальная норма, как правило, не бывает кодифицированной. Но дело, естественно, не сводится к наличию собственного стандарта языка, а затрагивает сущностные стороны национально-языковых отношений. По нашему убеждению, состояние вариативности языка нуждается в отдельной терминологической интерпретации [36]. Конструктивной попыткой в этом отношении можно рассматривать исследования А. И. Чередниченко, который на материале использования французского языка в развивающихся странах Африки высказал мысль о целесообразности определить неидентичность системы французского языка в этих странах в качестве вариантов неродного языка [37]. Близкие к его общим оценкам взгляды высказывает О. Е. Семенец, изучающий проблемы функционирования английского языка в развивающихся стра-

нах Азии и Африки и выдвигающий идею так называемых вариантов политического английского языка [38]. Общим предостережением при любых терминологических предложениях следует считать слова В. Н. Ярцевой, которая настаивает на необходимости строго отличать английский язык и его национальные варианты в качестве родного языка от употребления этого языка теми социальными общностями, для которых он не является родным [16, с. 250—251].

В заключение необходимо подчеркнуть, что национальные варианты обладают совокупностью таких признаков, которые обеспечивают им не только известную стабильность, но и выработку определенных тенденций дальнейшего развития в русле этих форм. Рассуждая о действии сил конвергенции и дивергенции при дифференциации языка в современных условиях, А. Мартине, в частности, писал: «Причиной языковой дифференциации является не расстояние как таковое, а ослабление внутриязыковых связей. Если увеличение расстояния компенсируется упрочением коммуникативных связей, языковое поведение остается тем же: пока на то, чтобы пересечь Атлантический океан, требовались недели, развитие английского языка Англии отличалось от развития английского языка Америки; железнодорожная лексика Англии отличается от американской как в целом, так и в деталях. Иные условия мы имеем теперь, когда на преодоление расстояния между Нью-Йорком и Лондоном требуется всего несколько часов, а звук голоса пересекает океан почти мгновенно. Поэтому сегодня можно говорить скорее о конвергенции, чем о дивергенции. Если в один прекрасный день граждане Советского Союза откроют обсерваторию на Луне, то едва ли возникнет особый лунный диалект русского языка, при условии, конечно, что между Луной и Землей будет поддерживаться постоянная связь» [4, с. 512]. Нельзя не оценить остроумную образность А. Мартине, но в случае с национальными вариантами языка мы имеем дело не только с фактором расстояния и интенсивности взаимного общения различных социумов, но со всей совокупностью условий самостоятельного существования национально-государственных общностей людей — носителей данного языка. Конечно, в современных условиях, о которых говорит А. Мартине, национальные варианты единого языка развиваются более или менее параллельно, а общие наднациональные тенденции в языковой нормализации будут постоянно приводить к нивелированию различий между ними. Однако варианты языка, как показывает и опыт нашего времени, не сливаются полностью, а местные национальные диалекты и другие формы существования языка, национальная литература, духовная и материальная культура всегда будут давать новый материал для существования национальных вариантов.

Оценивая наблюдающиеся уровни дифференцированного развития литературных языков в своем собственном социальном (национальном) пространстве, лингвисты отмечают, что, например, европейские разновидности французского не обнаруживают значительных расхождений, тогда как британский и американский варианты представляют собой вполне сформировавшиеся национальные разновидности [39, с. 259]. Но сколь бы малыми ни были различия в вариантах тех или иных языков, они приобретали и могут приобретать «престиж национальных форм речи» [21, с. 23], становясь и средством национальной идентификации.

Разработка теории национального варианта языка, осуществленная в нашем языкознании в 60-е годы, позволила, как подчеркивается Е. М. Вольф и Ю. С. Степановым, «...по-новому подойти к пониманию национального языка в сложных условиях существования многих вариан-

тов как языка, имеющего возможности самостоятельного и независимого развития, причем отношение вариантов единого языка друг к другу должно осмысливаться как паритетное в социальном, культурном, политическом и лингвистических аспектах» [40].

Следует согласиться с В. Флайшером, когда он, говоря о процессе формирования теории национального варианта языка в советском языкознании, замечает, что пройденный путь не был «прямолинейным» [39]. Действительно, потребовалось пройти не только через сдержанное отношение со стороны части тех, кто занимался традиционным кругом вопросов национальных языков, но и преодолеть ошибки и заблуждения других в их попытках дать сущностную и терминологическую интерпретацию состояния неидентичности системы одного языка, обслуживающего различные социально-языковые общности. Говоря о значении этой концепции, В. Флайшер призывает лингвистов к более интенсивному теоретическому отклику (Reflexion) на нее и подчеркивает, что она «соответствует традициям советской социолингвистической школы (Forschung) и является очередным свидетельством ее продуктивности» [41].

ЛИТЕРАТУРА

1. Polenz P. V. Die altenburgische Sprachlandschaft. Tübingen, 1954. S. 105.
2. Große R. Die meissnische Sprachlandschaft. Halle, 1955. S. 29.
3. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979. С. 3—4.
4. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
5. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. № 1. С. 17.
6. Степанов Г. В. Проблема изучения испанского языка Латинской Америки // ВЯ. 1957. № 4. С. 24.
7. Степанов Г. В. О национальном языке в странах Латинской Америки // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1960. Т. X. С. 157.
8. Ризель Э. Г. К вопросу о национальном языке в Австрии // Уч. зап. I МГПИИЯ. Т. V. Харьков, 1953. С. 163.
9. Levi H. Das österreichische Hochdeutsch. Wien, 1875. S. 8.
10. Kretschmer P. Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache. Göttingen, 1918. S. 22.
11. Аракин В. Д. К вопросу об английском языке в Америке // ИЯШ. 1937. № 2.
12. Братусь Б. В. Теория «американского языка» на службе у империалистов // ИЯШ. 1948. № 4.
13. Булавин Н. М. Об американском варианте английского языка // ИЯШ. 1953. № 2.
14. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955. С. 16.
15. Белаяева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. Л., 1961.
16. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
17. Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
18. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.
19. Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
20. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972.
21. Степанов Г. В. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка: Автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1966.
22. Домашнев А. И. О некоторых чертах национального варианта литературного языка // ВЯ. 1969. № 2. С. 39.
23. Филин Ф. П. О структуре современного русского языка // Русский язык в современном мире. М., 1974. С. 109.
24. Домашнев А. И. Несколько слов к причинам дискуссии в Австрии «Sprechen wir deutsch oder österreichisch» и о проблеме «Österreichische Sprachpflege» // Уч. зап. ГПИИЯ. 1963. Вып. 25.
25. Österreichisches Wörterbuch. Wien, 1951.
26. Reiffenstein I. Deutsch in Österreich. Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache nach 1945. Marburg, 1983.
27. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971. С. 17.
28. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы // Методы сравнитель-

- но-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966. С. 226.
29. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979. С. 62.
 30. Hornung M. Besonderheiten der deutschen Hochsprache in Österreich // Österreich in Geschichte und Literatur. 1973. Hf. 1. S. 18.
 31. Strubin E. Zur deutschschweizerischen Umgangssprache // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. 1976. Hf. 3—4.
 32. Haas W. Wider den «Nationaldialekt» // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1978. Hf. 1.
 33. Степанов Г. В. Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 306.
 34. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. С. 121.
 35. Домашнев А. И. «Языковой остров» как тип ареала распространения языка и объект лингвистического исследования (на материале немецкого языка) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.
 36. Домашнев А. И. К понятию варианта языка // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. I. М., 1982. С. 95.
 37. Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Киев, 1983.
 38. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие. Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. Киев, 1985.
 39. Andersson S.-G. Deutsche Standardsprache — drei oder vier Varianten? // Muttersprache. 1983. № 5—6. S. 67.
 40. Георгий Владимирович Степанов / Вступ. ст. Вольф Е. М. и Степанова Ю. С. М., 1984. С. 17.
 41. Fleischer W. Zum Begriff «nationale Variante einer Sprache» in der sowjetischen Soziolinguistik // Linguistische Arbeitsberichte. 1984. № 43. S. 71.